

Сергей Арутюнов,
учитель истории

О СКВЕРНОСЛОВИИ

Не время называть эти слова. Их четыре или пять, не считая огромного множества производных, таких же мерзких, как их праосновы.

С чего бы?

Запах. От этих слов несёт хтоническим, безумием языческих плясок на вольной воле. Кто стремится к воле чёрными низинами, не обойдёт их. Он будет выкрикивать их, как символы своей воли, пока не задохнётся от немислимого удушья.

Но люди, стремящиеся к воле верхом, всегда будут не просто аристократически воротить нос от обозначения женских и мужских половых органов и их функций, но именно от непередаваемо цинической интонации, с которой эти слова определяют их.

Правы ли те, что хотят ограничить их употребление? Правы несомненно. Присмотримся не к ним, посильно и за огромную плату исполняющим свои нехитрые обязанности, но к защитникам матерной брани. Кто они?

Это те самые люди, которым в пору называться интеллигенцией, но на поверку и они уже 20 лет стесня-

ются так себя называть, да и видящие плоды их дел тоже никогда уже так их не назовут. Это публицисты, филологи, стихотворцы, прозаики и даже «учёные», пошедшие в коммерцию, сколотившие себе на легализации мата целые состояния.

Легализация была проведена на ура: огромные словари, оправдательно восхищённые статьи, сопровождавшие их публикацию, стеснительно томные комментарии к ним, бездна «литературы», которая в более отдалённые времена должна была быть сугубо специальной, но отчего-то именно после обрушения «железного занавеса» устремившейся — нет-нет, не на Запад! — в народные массы. Именно там искалась поддержка этим усилиям и отчасти была получена.

Что же произошло?

Болото прорвалось в реку, когда-то чистую и полноводную. То, над чем трудились поколения цензоров, рассыпалось в прах. Виват! Мы получили точный слепок уличной речи, утратив литературу: оказывается, она держалась на уважении к себе и, более не уважая себя, перестала кого-либо интере-

совать. Кому нужна опустившаяся, опухшая бомжиха?

Грязь, годами, десятилетиями выкипавшая в дождевых стоках социума, получила чуть не официальную путёвку в романы, пьесы, журналистские расследования. Да что там говорить — на экраны ТВ, в радиоэфир и прочую массмедиа. Возглавляет список Интернет. Здесь ругаются, на чём свет стоит, местные божки, зачинатели и основатели этого жанра ежедневного высказывания, стилизующиеся якобы под огромное большинство. На деле их сверстники смотрят на них, как на злобных клоунов, видя, что этим болотным жабам начинают подражать их дети.

Мат повсеместен. Чудо, что не матерится ещё президент страны на своих пятичасовых беседах с прессой, премьер-министр и члены его Кабинета. Ведь могли бы... а что... молодцевато, мужественно. Если с огоньком, то сразу на первые полосы. Что смущает? Сдерживает?

Традиция.

Неудобно как-то.

Но чуть ниже, и уже кишит. Уже цитируется, тиражируется из высоких уст вылетевшее «словцо», и тут же ободряющие вздохи — молодец, мужик, может!

А если ещё ниже?

А тут картина сложнее. Порой впечатление такое, что матерятся чаще и охотнее те, кто состоятельнее. На душе больше висит. А те, кому

сказали, что можно? Подтягиваются, но как-то лениво. То есть не всё и не всегда. Не всем это нужно. Не все хотят такой свободы. Некоторые до сих пор кривятся, если слышат, уроды неполиткорректные.

Тогда зачем, спрашивается, проведена эта колоссальная спецоперация, с задействованием стольких сил и средств?

Для того ли, чтобы дух народный закалился в борьбе со скверной?

Прямо наоборот.

Русских людей надо было растлить. Обратив в скотов, встающих с первыми лучами солнца с нечестивыми мантрами на устах.

Отчасти цель достигнута: барьеры сломаны, свобода завоёвана. Всё позволено, а если так, ломи, круши, харкай в святыни, стесняться некого.

Они прекрасно знали, чего добивались, с непроницаемыми лицами зачитывая в «литературных» кабаках матерные верлибры. Хорошо понимали, что приучение людей не вскакивать с мест при произнесении мерзостей вслух и чтении их на письме — один из самых важных этапов на пути в никуда. А что такого-то? Так все говорят, нормальные слова, не хуже прочих.

Так вот: хуже.

Ломка внутренних барьеров и табу уже начинает являть себя в криминальной статистике. Те, кто думает, что мат даёт дополнитель-

ВОСПИТАНИЕ

ный канал для выхода ярости, ни в грош не ставят язык: мат многократно усиливает агрессию. Душа, сама того не понимая, стервенеет.

Подонки, воспитанные в матерящихся с утра до ночи семьях, духовно обанкротившихся и капитулировавших перед лицом перемен, даже слышать не хотели, какой ящик Пандоры отверзают. Что им, людям с двойным гражданством, до разоряемой ими страны, её народа?

Разве неясно, что мат на устах — это отрицание Бога? Ясно. Разве непонятно, что сквернословие — это бездна, в которую падает каждая, допускающая его до себя душа? Понятно.

Так в чём же дело?

А ни в чём.

Когда-нибудь — ещё не поздно — правители наши поймут, что народ матерящийся, презирающий свои святыни, бесперспективен. Возможно, это уже внятно не только на самом верху, но и в среднем звене управления. То есть записки настоящих, а не записных филологов о бедственном моральном состоянии нации уже написаны, положены в папки верховных письмоводителей и рассмотрены на заседаниях различных органов.

Что дальше?

Оргмеры.

То есть в погоне за отчётной цифирью оштрафованных — придирки патрульных к пьяным и подросткам, потом скорое и неизбежное

разочарование в правоприменительной практике и задний ход.

В России редко что делается до конца, тем более такие начинания, как борьба за нравственность: всё искажается до неузнаваемости. Вместо увещаний — репрессии, вместо просвещения — чиновничьи игры в показатели активности. Полгода, год — и беспамятство, кислый храп.

Тем и кончится, поскольку на гнилом фундаменте ничего не строится.

Дух народный лечится многолетием усилий, к которым легализацию брани отнести невозможно. Единственное, что могла и может сделать культура в отношении мата, — объяснить, что он есть порождение дна, склизкая взвесь помятой, исстрадавшейся души. То, чего культура делать ни в коем случае не должна, — объяснять, как сладостны эти слова, как освобождают они, как расклёпывают цепи рабства. Напротив: куют.

Человек, зависимый от сквернословия, словно бы двуязычен, лукав. Ему всё время приходится прикидывать, может ли он здесь и сейчас говорить на своём обычном наречии или должен подбирать более утончённую лексику — при детях, женщинах, стариках, ровесниках, смотря по тому, кто они, способны ли одёрнуть или снесут, потому что сами точно такие же. Подобное двое-

Сергей Арутюнов ◊ сквернословии

душие — цепи несколько не менее тяжкие, чем любая иная зависимость.

Что ж, позволять ей благоденствовать и дальше или прикрутить её к позорному столбу?

Любая революция выносит мат на гребень. Это мы знаем и по Октябрю, и по Августу. Семечки, пьянство, поножовщина и ругань — вернейшие социальные признаки жизни, загнанных в тупик. Следовать ли им или обозначить перед пострадавшим народом нашим цель более высокую, нежели заработок себе на хлеб с маслом? Цель вечную, безбрежную, возводящую к Богу, смыслу, рассудку, чести?

Отчего честь не сквернословит? Оттого, что ценит достоинство своё. Не сделать ли идеей нашей — честь и достоинство? Книжность и знание? Совесть и разум? Милосердие и доброту?

Где нашим правителям думать об этом... Думать должны те, кто каждый день на предприятиях, в поликлиниках и школах видят, до

какой черты доведены наши люди. Те, кто понимают, по каким причинам нет у них зачастую иной защиты, чем усталое и безнадёжное поругание всего и вся.

Но трижды будут прокляты те, кто не утешает этих людей, а злорадно подшёптывает — давай-давай, поливай во всю ивановскую, там разберутся. Несчастные, обманутые видимой безнаказанностью, неслыханным хамством чиновничества нашего, поддаются, соблазняются. Горе бушует среди нас.

Когда-нибудь настанут времена, когда нация попытается очнуться: понять, что из бездны возврата нет. Что ещё немного, и русскую равнину займут другие, более приверженные традициям своих народов. Нация, может быть, поймёт, что шанс ещё есть. Что мат надо держать на привязи в самых глухих тайниках, постепенно отучаясь от него, как первобытные пращурьы наши от инцеста.

Только бы не слишком поздно это произошло.